

Глава 1

ГРАФФИТИ

Баллончик с краской скользил в потных от страха и возбуждения руках. Капюшон сползал на нос, бандана на лице мешала дышать. Я нервно оглянулась, вытерла ладонь о штанину и расплыла очередную линию по серой кирпичной стене. Последняя летняя ночь была прохладной, но все же спина у меня взмокла, а волосы прилипли к вискам.

Я выругалась и оглянулась на Кирюху. Он безмятежно курил, пуская дым в темно-фиолетовое небо. А ведь обещал постоять на стреме! Почувствовав мой взгляд, он кивнул:

— Ну что, Софико, готово?

Меня зовут не Софико, а София. Кирюха вечно называл меня на разные лады, хотя имя у меня и так очень красивое. А вот фамилия самая простая — Иванова. Такая же, как у Кирюхи. Но он мне вовсе не брат.

На заборе висело строгое объявление о том, что здание и территория школы охраняются, поэтому пока я рисовала, руки тряслись, а сердце готово было выпрыгнуть через глотку. Ежесекундно я ждала появления охранника. Но он, видимо, мирно спал, а на записях с видеокamer нас не будет — Кирюха первым делом покрасил объективы. Я немало успокоилась и скомандовала:

— Кир! Подсади меня!

Он присел, послушно подставил плечи и медленно распрямился. Я торопливо возила баллончиком по стене.

Наша элитная школа недалеко от набережной, и к едкому запаху краски примешивался слабый речной дух. В перерывах между шипением аэрозольной струи доносилось сонное покрякивание уток. И вдруг все звуки перекрыл вопль попсовой песни из проезжавшей по набережной машины. Он прогремел пару секунд и затих вдали.

Я выдохнула и велела Кирюхе поставить меня на землю. Придерживаясь пальцами за холодный шершавый кирпич, сползла вниз. Отряхнула ладони и вдруг заметила две темные мужские фигуры по ту сторону решетки.

Парни наблюдали за нами. Один — в низко надвинутой на глаза кепке, другой — с длинной челкой, свисающей почти до носа.

— Че надо? — крикнул им Кирюха.

Я дернула его за рукав. Не хватало связываться! Но Кирюха остался стоять, вглядываясь в незнакомцев.

— Идем отсюда, Кир!

Но этот чертов любитель экстрима даже не шелохнулся!

— Кирилл! — зашипела я, и он наконец-то обратил на меня внимание. Он знал, что я называю его полным именем, только когда очень злюсь.

Сейчас я не только злилась, но и боялась. Мало того, что я испохабила фасад школы, так еще и эти двое здоровых парней на безлюдной ночной улице!

— Может, послушаем, чего хотят? — ухмыльнулся Кирюха.

— Ты совсем дурак?!

Он оглядел меня и, сообразив, что я не создана для полуночных разборок, развернулся на сто восемьдесят. Но тут дверь школы распахнулась и из нее вылетел взъерошенный охранник.

— А ну стойте! — заорал он, подсвечивая нам в спины фонариком.

Кирюха засмеялся, схватил меня за руку, и мы побежали. Обогнули школу, перелезли через забор и рванули в спасительную темноту.

Миновав дворы, понеслись по узкой набережной вдоль бетонного ограждения. Забор пестрил граффити, как детский альбом рисунками, все они сливались в один бесконечный «энд-ту-энд» — полностью расписанный поезд. Капюшон свалился с головы, волосы тяжело хлопали по лопаткам, подошвы кроссовок со смачным шмяком впечатывались в тротуар. Я сдернула бандану, и встречный поток воздуха ворвался в легкие.

На бегу я скосила глаза на Кирюху. Ему-то что: даже румянец на смуглых щеках не выступил, и, если бы не я, он бы уже был далеко отсюда. Бегал Кирюха прекрасно, если только его не накрывал приступ астмы.

Показался поворот, и мы, как гоночные кары, вошли в него юзом. Кирюха проскочил, а я зацепилась ногой за поребрик. Падая, рефлекторно выставила перед собой руки и спикировала на асфальт. Рюкзак скользнул вниз, и баллончики с краской, гулко позвякивая жестяным нутром, раскатились по земле.

— Софи, ты норм? — Кирюха шлепнулся возле меня на колени.

Я поднесла ладони к глазам — ободранная кожа сочилась темными кровавыми бисеринами. Не упуская возможности поглумиться, я развернула их к Кирюхе. Он судорожно сглотнул и, отпрянув, потянулся к ближайшему баллончику.

— Что, даже в обморок не брякнешься? — засмеялась я.

— Софико, не беси меня! — пригрозил он, поспешно собирая и запихивая баллончики в рюкзак. — Вон, кстати, эти типы!

Он мотнул головой, и я подпрыгнула. Всю мою веселость смыло, как краску растворителем. Но тех двоих за спиной не оказалось. Счастливый, что расквитался со мной, Кирюха захохотал.

И все напряжение, вызванное ночным приключением, погоней, в которой за мной никто не гнался, страх быть пойманной, хотя меня никто уже не ловил, восторг от собственной смелости — все это собралось, скрутилось в тугую пружину и вдруг выпрямилось, выпрыгнуло, вырвалось, и я тоже расхохоталась. Согнулась пополам и, всхлипывая от смеха, выдавила:

— Кир... зараза! Я тебя... сейчас... бить буду!

— Береги ладо-о-ошки-и-и! — пропел Кирюха и на всякий случай отскочил подальше.

Хохоча, я проковыляла за ним и цапнула за край футболки, но он ловко увернулся. Я снова попыталась его поймать, но от смеха не могла сосредоточиться, а Кирюха, пользуясь этим, дразнил меня и демонически хохотал. В конце концов, спасаясь от преследования, он запрыгнул на перила моста.

— Слезай, Кир! — тут же успокоилась я.

Но он не слез, а балансировал, как легкоатлет на бревне. Шагая по узкой чугунной полосе, вытащил пачку сигарет из одного кармана толстовки, потом зажигалку из другого. Он шел наверху — по перилам, а я внизу — по тротуару. Он щелкнул колесиком зажигалки и попытался прикурить, но холодный ночной ветер погасил маленькое оранжевое пламя в его руках. Кирюха чертыхнулся и попробовал снова. И снова неудачно.

— Слезай, акробат, — рассмеялась я, — а то свалишься!

Он снова поднес огонек к сигарете и на этот раз глубоко затянулся.

— Расслабься, Софико! — театрально раскинув руки, он развернулся ко мне.

Но тут нога его соскользнула — и Кирюха рухнул вниз.

С Кирюхой мы неразлучны с самого детства — жили в одной квартире, но родственниками друг другу не были. В кино и сериалах разведенные родители находят свою половинку, и в довесок к новому папаше ты получаешь еще и братишку-ровесника. И эти новоиспеченные брат с сестрой сначала люто ненавидят друг друга, а потом у них любовь-морковь.

В нашем случае все куда проще и прозаичнее: нас объединяла коммуналка на Петроградке. Кир жил со своей матерью, я — со своей. И ни о какой любви и речи не шло. Ну какая может быть любовь, если приходится по утрам на опережение в один туалет бегать? Кто первый встал, того и ванна! И так десять лет, с самого первого класса.

Родители развелись, когда мне было шесть. Чтобы держаться подальше друг от друга, они разменяли нашу двушку на комнаты в разных районах. Это был первый раз, когда моя жизнь разорвалась пополам.

Мама суетилась, собирая наши вещи, хлопнула входная дверь за спиной, и мы, взявшись за руки, ушли в новую, отдельную от папы, жизнь. И начиналась она в колодце. Во дворе-колодце. Я раньше и не знала, что такие бывают.

Поздний летний вечер. Нежный парок поднимался от асфальта, а прохладный ветер хватал меня за голые колени. Я тащилась за мамой, и она постоянно дергала меня за руку. Мои красные сандалии, усеянные черными дырочками, как две божьи коровки, бежали наперегонки. Куда они спешили? Наверное, за хлебом для своих детишек. И вдруг

им пришлось перепрыгнуть через чугунный порожек, который отделял проспект от двора.

Я мигом позабыла о божьих коровках — обшарпанные стены надвигались, тесня и угрожая сплющить. Испуганная, я замерла, и мама снова сердито дернула меня за руку. Собираясь зареветь, я глубоко вдохнула и запрокинула голову. Высоко-высоко в небе по пронзительно-синему прямоугольнику неслись розовые облака. И я передумала плакать.

Оказалось, наша новая квартира находится под самой крышей, и я очень этому обрадовалась, потому что приятно жить так близко к розовым облакам.

На желтом фасаде красовалась кривая, наспех намалеванная надпись. Я еще не умела читать, но она выглядела такой гадкой, что я поспешила за мамой в парадную. Там пахло сыростью и веяло холодом. И гулкое эхо разносилось, пока мы медленно поднимались по лестнице.

Квартира носила неприятный номер тринадцать. Она оказалась единственной на площадке, хотя на всех остальных этажах их было по две.

Со временем почти в каждой квартире осталось по одной семье. И только наша будто проклятая: никто ее не покупал, несмотря на прекрасный вид из окон. Так мы и стали жить вчетвером: я, моя мама и Кирюха с тетей Наташей. Все под одной крышей.

Новое жилье впечатлило меня высокими потолками, скрипучим деревянным полом и необычным сооружением внутри комнаты: гигантским металлическим цилиндром, украшенным коваными узорами и с дверцей внизу. Он стоял как непрошенный посетитель, смущенно подпирая стену. При дедеже жизненного пространства эта печь досталась мне, и у меня появился собственный угол, отгороженный шкафом.

— Ой, какая девочка! — всплеснула руками соседка, когда мы пришли знакомиться. — Вот бы мне такую! Настоящая куколка!

Это она попала в точку. У меня большие голубые глаза, пшеничные волосы и невинный вид. Несмотря ни на что и даже через десять лет — в мои шестнадцать.

Хозяйка просторной светлой комнаты усадила нас на диван. По телевизору шел мультфильм про планету сокровищ. Вдруг я затылком почувствовала пристальный взгляд. Оглянулась, но в комнате, кроме мамы и соседки, никого не было. Пошарив глазами, я увидела мальчишку. Он лежал на шкафу, опершись на локти. Сначала я подумала, что это призрак, потому что в этом старом доме с высокими потолками, гулким эхом и запахом пыли ему самое место. У парнишки было бледное лицо, спутанная темная челка и карие глаза. Он ухмыльнулся и бросил в меня скрученный в тугий комочек фантик. Тогда я поняла, что он вовсе не призрак и скучать мне в этой квартире не придется.

И я не ошиблась — Кирюха всегда за любой кипиш и, не раздумывая, согласился пойти вместе со мной в ночь на первое сентября разрисовать граффити фасад нашей школы.

К самой школе я не испытывала отрицательных эмоций, а вот к тем, кто должен в нее прийти, — очень даже. Поэтому, когда Кирюха поинтересовался, что же я изображу в качестве приветствия, ответила:

— Фак.

— В смысле? — не понял он.

— В прямом!

Он рассмеялся и одобрительно похлопал меня по плечу.

Глава 2

ТОМАТНЫЙ СОК

Кирюха упал с моста в реку Карповку в ночь на первое сентября. Отплеываясь, короткими гребками он доплыл до ступеней набережной и выбрался из воды. До нашего дома совсем недалеко, однако ночи стояли холодные, и, пока мы шли, он совсем продрог. А наутро у него поднялась температура.

Для него это был выпускной класс, для меня десятый.

Пришлось тащиться на торжественную линейку в одиночестве. Но когда я вернулась из школы, Кирюхи в квартире не оказалось! Никого не было вообще! На всякий пожарный я дернула соседскую дверь. Как всегда — не заперто. Это моя мать требует, уходя, закрывать дверь на замок, у тети Наташи так не заведено. Она нам безраздельно доверяет, ну, или просто по безалаберности и алкогольной безбашенности ничего не боится.

— Ки-ир! Ау! — Я просунула голову в щель, но ответа не последовало.

В эркере за занавеской виднелась его постель. Одеяло живописно свешивалось на пол. Кровать пуста. Я пожалала плечами: куда Кирюху унесло с температурой? Но редкое счастье побыть одной в квартире!

Я врубил телевизор на полную громкость. На музыкальном канале парнишка речитативил о мокрых кроссов-

ках и любви. Я переделалась в свободную футболку и короткие джинсовые шорты, которые еще прошлым летом купила. Как здорово, что они мне до сих пор по размеру! Юлька вот постоянно жалуется на свою задницу, а моей хоть бы что! Хоть пирожные ешь, хоть коробку конфет раз. Но я не люблю сладкое. Изображая твёрк, я повертела пятой точкой перед зеркалом. А потом, пританцовывая, отправилась на кухню.

Плюхнулась на диван и, черпая ложкой йогурт, пролистала ленту ВКонтакте. На фотографиях для человека непосвященного все выглядело стандартно: ученики старших классов стоят на линейке. Все одеты в одинаковую школьную форму, кто-то держит цветы, кто-то улыбается. Но наметанный глаз сразу замечает, что классы неоднородны.

Вот компания девушек, словно сошедших с глянцевого рекламного проспекта. Блестящие волосы, неброские украшения и маникюр. Под форменными жакетами — шелковые блузки, букеты дороже, чем мои кроссовки. Рядом с ними парни: модельные стрижки и закатанные рукава. Вот им-то — этим людям — и посвящалось мое граффити-послание.

Между элитной группой и остальными всегда сохраняется расстояние. Оно — что-то вроде разделительной полосы, за которую трудно проникнуть. Многие пытались, но мало у кого получилось.

На нескольких кадрах мелькнуло незнакомое лицо. Новенький. Стоит особняком, и сразу не поймешь, к кому он примкнет в дальнейшем. Русые волосы и прямой, но несколько растерянный взгляд. Еще не разобрался, куда попал. Новый коллектив легко может оказаться террариумом, дурдомом, тоталитарным государством или просто сборищем совершенно равнодушных друг к другу людей. Я мысленно пожелала ему удачи и выключила телефон.

За уроки браться не хотелось. А в художку мне только на следующей неделе.

Мне не терпелось увидеть Кирюху. Прикинув, где бы он мог находиться с температурой под сорок и большим горлом, я выключила телик и открыла окошко. Рамы у нас старые, но мать считает, что они в «очень приличном состоянии». С усилием дергая одну из них, я случайно ударила себя по запястью. На пол посыпались сухие клочки белой краски. Чертыхнувшись, я высунулась наружу. В свой короткий свист я вложила злость и призыв. И в ответ услышала почти такой же, а следом надсадный кашель. Кирюха, как я и думала, на крыше. Ну где же еще? Он с этой крыши все лето не слезал. И из обычного бледного привидения превратился в смуглого пуэрториканца.

Позабыв все мамины указания насчет ключа, я выскочила на лестничную площадку, поднялась на несколько ступеней и влезла по железным перекладинам под самый потолок. Дверь там обита дерматином, из которого торчит грязно-серый, как ноябрьские тучи, утеплитель, и она всегда заперта. Но если очень захотеть, то можно открыть любой замок. И мы с Кирюхой знали, как открывается этот.

Миновав чердак с его пыльным полумраком и уютной воркотней голубей, я осторожно вылезла на крышу и маленькими шажками направилась в обход дверного выступа. Железный лист тут же заходил ходуном, и под подошвами завибрировало. Кирюха оказался совсем близко, за печной трубой. Он лежал на клетчатом красно-синем пледе и курил. Я плюхнулась рядом.

— Смотри, — я вытащила телефон и сунула ему под нос.

— Танкер сильно бесилась? — ухмыльнулся он.

— Ага. Вон, гляди, — я перелистнула фотку, — всё плакатами завесили, только кончик пальца торчит!

— Значит, никто ничего не видел?

— Кому надо, увидели! Машка наверняка раньше всех приперлась, она ж ведущая, — я скорчила презрительную гримасу и вдруг вспомнила: — А! Еще у вас новенький в параллельном!

— Да насрать! Меня и старенькие-то не слишком волнуют. — Кир затянулся и надсадно закашлялся.

Ему пришлось сесть. Я тоже поднялась и постучала его по обтянутой белой футболкой спине. Формально она была белая, но Кирюхино пренебрежение к бренному бытию сделало ее вполне живописной: кое-где виднелись черные полосы, а сзади красовалась лично мною нарисованная граффити-надпись из трех букв. Кирюха шутил, что, когда я стану всемирно известной художницей, он продаст эту футболку за бешеные деньги. Но я не верила, что он так сделает, — слишком дорого ему собственное имя, написанное моей рукой.

— Прекрати! — он передернул плечами. — Хватит меня колотить, я ж не подавился!

— Мне нравится причинять тебе боль, мальчик! — голосом киношного маньяка проскрежетала я.

— Это уж точно! — Кирюха засмеялся и опять закашлялся.

Потом он растянулся на пледе, закинув руки за голову.

— А ко мне Муся вернулась, — не открывая глаз, похвастался он.

— Поздравляю!

— Беременная.

Я прыснула:

— Ну да, кошки, они ведь лучше девушек?

— Кошка никогда не притворяется, — серьезно согласился Кирюха. — Если ты ей нравишься, она трется о твои ноги и прыгает на колени.

— Ты хочешь, чтобы девушки сами прыгали тебе на колени?

— Глупая ты, Сонька! Кошек я готов опекать всех, с девушками иначе.

— Ты бредишь, Кир! Какая у тебя температура? — Я ощупала его лоб.

Выхватила у него изо рта сигарету и щелчком отправила за пределы крыши.

— При твоей астме курить — смерть!

— Софико, какая ты не в меру заботливая, — проворчал он и нехотя поднялся. — Эта была последняя! Сходи купи, а? — Он остановился, прижал плед к груди и соорудил трогательно-щенячьи глаза.

Я не повелась, а начала осторожно спускаться к выходу. Медленно ступая, сосредоточенно сопела и не сводила глаз со своих кроссовок. И вдруг Кирюха возник передо мной. Внезапно, как черт из табакерки!

— У! — Он сделал вид, что толкнет меня. Но мне было не до шуток.

— Придурок! — заорала я, выпрямилась и замахала руками. Мне казалось, что сейчас я кувырком полечу вниз, в серый прямоугольник двора.

— Чем больше боишься, тем выше шанс грохнуться! Расслабься, — изрек Кирюха и удержал меня за руку. — Что это? — переключился он, увидев свежий фиолетово-багровый синяк, который я заработала, открывая тугую раму.

— Иди лесом, Кир! — снова заорала я в бешенстве, но руку не отобрала — пусть Кирюха и ненадежная, но все-таки опора. — Сам расслабься!

— Пожалуйста, — ухмыльнулся он, разжал пальцы и, весело насвистывая, направился к краю.

Он бодро прошлепал по гулкому скату и остановился, прижимая к себе красно-синий плед. Потом театрально

отбросил его в сторону и пошел вдоль водосточного желоба. Слева от него была я и спасительная площадка перед трубой, справа — солнце над крышами и макушка Исаакиевского собора в прозрачной синеве. Затаив дыхание, я смотрела, как грязно-белые подошвы его кед ступают по краю, по очереди упираются пяткой в носок. Мне казалось, это я иду по трепещущему железу, это я вижу бесконечную череду крыш под собой, это меня бьет и толкает ветер.

— Прекрати! Кирилл! — крикнула я, но он лишь ухмыльнулся. — Идиот! Вернись немедленно!

В ответ Кирюха раскинул руки, наклонился и вытянул ногу, изображая ласточку. Я поняла, что идиот делает это нарочно — хочет меня выбесить. И у него получается.

— Ты специально?! Назло?! — проорала я.

В ответ он опять мерзко ухмыльнулся и продолжил свои гимнастические упражнения.

К горлу подкатила тошнота, и я отчетливо представила, как он опускает ногу, оступается и исчезает за краем крыши. Этого я вынести не могла. Раз ему так хочется, пусть все это произойдет не у меня на глазах. Я развернулась и в два прыжка, уже не замечая мелкого дрожания крыши, достигла выхода. Забираясь в дом, я не закрыла за собой дверь, а оглянулась и облегченно вздохнула — Кирюха спокойно подбирал плед, стоя в метре от смертельной опасности.

Но все время, пока мы возвращались домой, я ругала его на чем свет стоит. А Кирюха молча плелся за мной.

— Чего это ты не отбихиваешься? — Я вошла в квартиру, повернулась к нему и от удивления забыла закрыть рот.

Кирюха медленно сползал по стенке, а плед красно-синим комом лежал возле его ног.

— Кир, ты чего?

С трудом поднявшись, он навалился на мое плечо, и мы вместе почапали в его комнату.